

Одабривал землю поэзией

послесловие

114

В этом году Саше исполнилось бы семьдесят. Да, его все так звали – и в России, и далеко за её пределами по всему миру, который он исколесил неоднократно. Порой, конечно, я слышал и «Петрович», но это на работе, от сослуживцев, а так, на любых всемирных писательских форумах, – «Саша» да «Саша»...

Поэт и прозаик, правозащитник, Александр Петрович Ткаченко был Генеральным директором и вице-президентом Русского ПЕН-центра, членом Исполкома Международного ПЕН-клуба (Международной ассоциации писателей), главным редактором «Новой юности», членом редсовета «Казанского альманаха», большим другом Татарского ПЕНа.

А начинал писатель свой жизненный путь футболистом. Как уроженец Крыма он, естественно, стал играть за симферопольскую «Таврию», потом были московский «Локомотив», питерский «Зенит», работал тренером...

Вообще, в нём сочеталось несочетаемое. Представьте себе, футболист поступает на физико-математический факультет педагогического института и демонстрирует недюжинные способности в точных науках. Ещё удивительней было, когда футболист стал вдруг поэтом. Это вызвало неоднозначные суждения. Великий Валерий Лобановский в 1986 году высказался в «Известиях»: «Был хороший футболист Александр Ткаченко, теперь стал хорошим поэтом». Когда Саша выпустил в Крыму первую свою поэтическую книжку и стал членом Союза писателей, секретарь обкома партии сказал с сожалением: «Эх,

футболистом был, человеком был, а сейчас – поэт, чёрт знает что!» А вот развернутое мнение по этому поводу Аркадия Арканова: «Александр Ткаченко – законченный футболист. Я имею в виду состояние души. И поэзия для него – это необозримое футбольное поле, местами напоминающее стерильный английский газон, а местами кочковатое, тяжёлое, вязкое, мокрое, как в Самаре в начале сезона. На английском газоне – техника, изящество, дриблинг рифм и аллитераций. На самарском – работа, пот, рваная аритмическая строка...» И далее: «Он получает травмы, но сам действует в рамках правил, играя в этой жизни корректно».

Вот так образно и точно сказал о нём его друг Аркадий Арканов.

А друзей у Саши было много. Это, прежде всего, два Андрея – Битов и Вознесенский, это и Булат Окуджава, и Бела Ахмадулина, и Константин Кедров, и Гюнтер Грасс, и Адам Михник, и те же Григорий Пасько с Алиной Витухновской, которых правозащитник Саша Ткаченко спасал от тюремного заключения, и многие другие, не перечислить!

За пять дней до Сашиной смерти Андрей Вознесенский, уже сам больной, сказал высокие добрые слова о книге Ткаченко «Сон крымчака, или Оторванная земля». Это было на презентации издания в Москве в библиотеке Общественного центра им. А. Д. Сахарова, куда и я по-дружески был приглашён. Вёл литературный вечер Константин Кедров. Кстати, на том вечере был успешно представлен 2-й номер «Казанского альманаха».

Я прибыл туда с казанскими телевизионщиками, и мы засняли презентацию

практически в полном объёме. Вернувшись в Казань, проверили отснятое – всё было о'кей. Я набрал его домашний номер в Москве. Женский голос в трубке ответил, что Саша Ткаченко ночью умер...

Мы познакомились осенью 1996 года, в самолёте, когда летели на Всемирный конгресс писателей в Гвадалахаре (Мексика). Там нас, Татарский ПЕН, должны были принимать в Международный ПЕН-клуб. После дозаправки самолёта в Дублине и набора высоты над Атлантикой ко мне подошёл невысокого роста, крепко сложенный джентльмен:

– Это вы – Татарский ПЕН-центр?

Я ответил утвердительно.

Он представился:

– Саша Ткаченко, Русский ПЕН.

Стал задавать вопросы, взял посмотреть наш Устав, прошёлся по нему карандашом. Замечания были верны, а те, которые я не совсем понял, всё равно поправил – было понятно, что человек в теме, да и его не терпящий возражений и в то же время дружеский тон говорил, что мы встретили хорошего друга и поддержку. Доказательство того не заставило себя ждать. В конце разговора Ткаченко сказал, что во время рассмотрения нашей кандидатуры в члены Международного ПЕН-клуба на Конгрессе, он выступит от Русского ПЕНа с рекомендацией и договорится о втором рекомендателе – с финской делегацией. Мы и не знали, что у нас должны быть ещё какие-то рекомендатели-поручители.

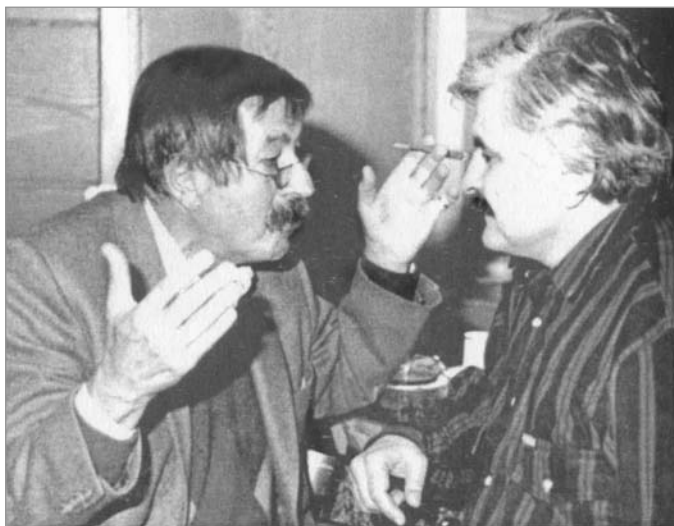
Мы – это Разиль Валеев, Рафаэль Мустафин, Вахит Юнус и ваш покорный... – такова была наша делегация на первом для Татарского ПЕН-центра Всемирном конгрессе писателей.

В Международный ПЕН-клуб нас приняли единогласно. Добрые слова о нас сказали Саша Ткаченко (Русский ПЕН) и Элизабет Нордгрэн (Финский ПЕН). Оба выступили на рабочем для Конгресса английском языке.

Во время форума я увидел, что Саша Ткаченко очень популярный в писательском мире человек. К нему подходили

Справа налево: Разиль Валеев, Туфан Миннуллин, Александр Ткаченко, Ахат Мушинский в здании тюрьмы Плётцензее, где были казнены джалиловцы. Берлин, 2006

Александр Ткаченко с лауреатом Нобелевской премии Гюнтером Грассом. Прага, 1994

Александр Ткаченко с Туфаном Миннуллинским из Берлина в Потсдам по реке Шпрее, 2006

представители различных делегаций с обязательным дружеским обращением «Саша», и со всеми у него – американцами, японцами, шведами, поляками и другими – завязывался заинтересованный разговор. У него было редкостное для современного человека свойство – он проникался чужими проблемами и воспринимал их как свои личные. Львиную долю его рабочего (сказано условно) времени занимали разъезды по судам и следственным органам в качестве общественного защитника литераторов, журналистов, попавших в прокрустово ложе, скажем мягко, сверх бдительных и усердных правоохранительных и судебных органов. Одно время было не застать Сашу в Москве – пропал неделями во Владивостоке, где рассматривалось дело поэта, эколога и журналиста Григория Пасько. Позже мы встречались с Григорием в Москве и на Всемирных конгрессах писателей в разных странах, где я в который раз убедился в правом деле и правовом подходе ко всему Саши Ткаченко – он защищал людей честных, прямых, одухотворённых высокой идеей, каковым и оказался Григорий Пасько, стойкий борец за чистоту и жизнь природы, в частности, – Дальнего Востока и Тихого океана.

Саша Ткаченко проникался не только чужими проблемами, но и чужим творчеством. Теперь ведь писатели своих коллег-писателей не читают, как это бывало раньше, и не слушают. А были ж времена: пошёл к собрату по перу, который написал новую вещь – стихотворение, поэму или рассказ, он почитал, ты послушал, затем своими глазами перечёл, высказал своё мнение... Нет, теперь этого нет. Даже знаю некоторых авторов «Казанского альманаха», которые читают-перечитывают только себя, любимого, а те, кто рядом под одной обложкой издания, ему не интересны.

Наверное, это удел главного редактора – постоянно искать что-то новое, живое, нестандартное. Саша ведь возглавлял «Новую юность»... Хотя знаю и

главредов, которым до фени авторские рукописи, перепоручают они это нудное дело – читать поступающую «макулатуру» – своим сотрудникам и помощникам. Саша старался читать сам. То, что я давал ему из своего, он прочитывал мгновенно, высказывался, оценивал... Я не поэт, но он неожиданно высоко оценил мои стихи, и в Словении в дни Всемирного конгресса пригласил почитать их на международном поэтическом вечере. Эксперимент странным образом удался. Русскоязычные поэты Словении, Германии, Чехии, а также Москвы подходили к нам и выражали одобрение. Говоря о прозе – тут мы с Сашей нашли друг в друге редкостных единомышленников во взгляде на современную литературу. Я и познакомился с ним, когда уже лета к суровой прозе его склонили. В Сашиных рассказах – вся его биография, без особых придумок и прикрас, от крымского детства с футбольным мячом до лёгкого на подъём посла мира и поэзии, современного пилигрима от литературы. На память приходят строки из стихотворения Иосифа Бродского «Пилигримы»:

...И значит, остались только
Иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
И быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам.
Удобрить её поэтам.

Да, Саша Ткаченко щедро одабривал землю поэзией в самом широком смысле слова. Ведь он во всех своих жизненных ипостасях был Поэт. Даже в административной работе директора Русского ПЕН-центра, с которым Тат-ПЕН установил самые тесные отношения. При помощи Саши Ткаченко в Казани прошли встречи и «круглые столы» с участием президента Русского ПЕНа, вице-президента Международного ПЕН-клуба Андрея Битова (Москва), генерального секретаря Международного ПЕН-клуба Александра Бло (Париж), лидера Финского ПЕНа Юкки Малинена (Хельсинки). Недавно наткнулся в Интернете на не известное мне интервью Саши, где он говорит тёплые слова

о самостоятельном, втором в России ПЕН-центре – Татарском. Воспринял я это как привет брата из недавнего далёка. А может, наоборот – из далёкого недавно. Это с какой стороны посмотреть, это, как в песне: «Это было недавно, это было давно».

Как своё родное детище Саша воспринял открытие в 2006 году «Казанского альманаха». Он принял самое активное участие в его становлении. Вошёл вместе с Василием Аксёновым в его редсовет, привлёк к публикациям интересных авторов (в их числе и лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс), сам с удовольствием печатался.

В Москве я всегда останавливался у «одинокого» Саши. У него была двухкомнатная квартира на «Автозаводской», одну из которых он предоставлял мне. Это рядом со стадионом «Торпедо». Приезжал к нему и с сыном, футболистом юношеского «Рубина», и мы гоняли мяч на славном стадионе с бывшими знаменитостями советского футбола.

На заграничные форумы отправлялись каждый из своего логова: казанцы из Казани, москвичи – из Москвы. Вместе, сообща поработали мы в Мексике, Шотландии, Финляндии, Норвегии, Германии, Англии, Словении, Македонии и других странах. Наша делегация везде распространяла произведения татарской литературы на английском языке – как классиков, так и современных авторов, а также историков и публицистов.

Для первых книг – антологии современной татарской литературы и татарских народных сказок – переводчиков в Москве подобрал как раз Саша Ткаченко.

На следующий год Татарскому ПЕН-центру исполняется двадцать лет, а «Казанскому альманаху» – десять. Как быстро и неумолимо летит время! Без Саши мы уже побывали в Австрии, Чехии, Кыргызстане, на международной конференции (2012) в Крыму. И каждый раз он с нами, будто бы только задержался у себя в номере гостиницы или отлучился куда-то ненадолго – вот-вот вернётся.

Без Саши сколько рассказов, стихов, очерков, критических статей мы опубликовали в «Казанском альманахе», сколько новых имён открыли для большой литературы! Как он порадовался бы за издание, которое продолжает жить и первые шаги которого были сделаны с его поддержкой!

У бывшего футболиста и поэта, оказывается, было больное сердце. Я, честно говоря, как-то не заметил этого. И мяч футбольный, как говорил выше, гоняли, и выпивали... Свою замечательную книгу «Футболь», ярко-красного цвета, с футболистом, несущим свой крест по зелёному полю, он подарил мне с надписью: «Вместо красного вина утром 11 августа 1998 года».

Видать, просто не дал он заметить своего недуга. Саша всегда был полон жизненной силы и каким-то всеохватывающим, весёлым любопытством.

Ахат Мушинский

